

## ОБ ОДНОМ КОРОТКОМ СТИХОТВОРЕНИИ ДМИТРИЯ АВАЛИАНИ

Т.В. Bonch-Osmolovskaya

## ABOUT ONE SHORT POEM BY DMITRY AVALIANI

**Введение**

Дмитрий Авалиани (1938–2003) – автор четырех поэтических сборников «Пламя в пурге» (1995), «Иной реестр» (1997), «Улитка на склоне» (1997), «Лазурные кувшины» (2000). Его стихи публиковались в литературных журналах: «Новый мир» (1994, 9, 12; 1997, 8), «Волга» (1995, 7), «НЛО» (1995, 16), «Знамя» (1996, 2) и других, а также на многих интернет-сайтах. Ряд стихотворений Авалиани создан на основе строгих формальных ограничений, таких, как палиндром, анаграмма, а также изобретенных им приемов, таких, как *листовертень*. Работы Авалиани неоднократно становились предметом исследования, хотя, за исключением немногих (например подробной работы Л.В. Зубовой [1]), большинство посвященных Авалиани работ относятся не к исследованиям, но к литературной критике или эмоциональным высказываниям, особенно ее отклики на трагическую гибель Д. Авалиани в 2003 году.

**Анализ стихотворения**

Разбираемое стихотворение было обнаружено мной в его архиве, с которым мне удалось ознакомиться с любезного разрешения наследников поэта. Несмотря на краткость стихотворения, Авалиани здесь использует различные формальные ограничения, выражая глубокую поэтическую мысль в трех коротких строках.

Стихотворение графически разделено на две части, в первой строке выделяются размером буквы «А» и «Ж», и во второй части – две буквы «Х». Первая часть стихотворения графически разделена на два рифмующихся полустипа: «ало» – «твое жало», в то время как во второй части используется прием *гомеотелевтонного панторима* [2, с. 66–67; 3, с. 192], который пред-

	ЛО		Ж	ало
	твоё			
	О	моё	ти	О
э	Х	О	твоё	глу
			Х	О

ставляет собой семантическую рифму, соединяющую попарно все слова: «ухо» – «эхо», «твоё» – «моё», «тихо» – «глухо». Графическое сходство букв «Х» и «Ж» создает дополнительную связь между частями стихотворения.

Авалиани широко использовал визуальные элементы в своих работах. Одна из известных визуальных техник состоит в выделении определенных элементов текста, например написании строчных или цветных букв. Такие стихотворения известны уже с раннего Средневековья, расцветают в эпоху барокко и во время авангардных экспериментов в начале XX века. Например, Карион Истомина в первых русских азбуках (1694) на каждой странице представлял одну букву в различных написаниях, с различными словами, начинающимися на эту букву, и коротким стихотворением, в котором также употреблялись слова, начинающиеся на эту букву [4]. Метод выделения определенных элементов текста воспроизводится и в XX веке, например Е.Л.Т. Месенсом в сборнике *Alphabet sourd aveugle* [5, с. 295]. Авалиани, возможно, был знаком с некоторыми из этих работ, когда создавал свой текст.

В тексте стихотворения представлены два лица, связанные друг с другом как протагонист и его внутренняя душа. Обращение «твое жало» вызывает аллюзию к Смерти, как в обращении святого Павла: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор 15, 55). Это одна из наи-

<sup>1</sup> Кандидат филологических наук НОУ ВПО «Российский новый университет».

© Бонч-Осмоловская Т.Б., 2014.

более известных библейских фраз, которую цитировали многие европейские и русские поэты, например Александр Поп: "O Grave! where is thy victory? / O Death! where is thy sting?" [6, с. 31], Владимир Набоков: «Изгнание, где твое жало, / чужбина, где сила твоя?» [7]. Более того, слово «жало» легко рифмуется со словом «ало», что было неоднократно использовано в русской поэзии, например Михаилом Кузминым: «Легко и ало / Вонзилось жало / Твоих пленительных отрав» [8, с. 111]; Еленой Шварц: «Ну я и плюнула – у ног лежала / Игла, светясь мертво и ало / И с нею в лес я, к змейкам, побежала: / 'Где нищая? Я подарю ей жало'» [9]. В случае стихотворения Авалиани, лирический герой, помня об этих или иных культурных аллюзиях, также обращается к смерти, как своему второму «я».

Существуют семантические взаимосвязи между строками второй части стихотворения: предикат «глухости» обычно соотносится с «ухом», в то время как «тишины» – с «эхом», но Авалиани здесь переставляет их местами, меняя привычный порядок и создавая нестандартное сочетание значений. Буква «Х», соединяющая парные строки, может графически указывать на перемену порядка прочтения: следуя по ее начертаниям, можно получить обычные связи, «ухо твое глухо», «эхо твое тихо», в то время как при линейном прочтении по строкам стихотворения образуются сочетания необычные. Ухо становится передатчиком, скорее, чем приемником звуков, тем не менее, в отсутствие звуков оно не функционирует в этом качестве. С другой стороны, эхо, которое должно бы улавливать и отражать звуки, «глухо» и также не выполняет своей функции.

В стихотворении присутствует только тишина, постоянно воспринимаемая и воспроизводимая «ухом» и «эхом», а причина этой немоты и глухоты во второй части стихотворения – «жало» из первой его части. В соответствии с традицией алфавитных стихотворений, выделенные буквы могут быть раскрашены красным, таким образом, буквы большего размера в стихотворении: «А», «Ж», «Х» графически представляют алый цвет. При этом органы восприятия ограничены тактильными («жало») и визуальными («ало»), в то время как звуковое восприятие утрачено, и стихотворение становится самоописывающим – оно тоже воспринимается тактильно, как написанное на листе бумаги, и визуально, но не аудиально.

Поэтическое содержание стихотворения противоположно содержанию известного стихотворения А.С. Пушкина «Пророк», в котором ли-

рическому герою предоставляется «огненный» язык вместо его «слабого, грешного», чтобы он мог «жечь сердца людей» [10, с. 385]. В отличие от него, герой Авалиани в результате действия «жала» немеет и глохнет, вслушиваясь в бесконечную тишину.

### Заключение

В стихотворении «Ало твое жало...» размышления Авалиани на тему грядущей смерти выражены конденсированным и драматическим способом. Как и во многих других своих стихотворениях, Авалиани здесь обращается к метафизической теме, решая ее в христианской духовной традиции. Стихотворение требует от читателя медленного прочтения, чтобы открылось его содержание. Минималистская форма стихотворения определяет значимость деталей текста, вплоть до начертаний букв. Стихотворение Авалиани противопоставлено стихотворению Пушкина «Пророк» как с точки зрения поэтических техник – традиционная версификация Пушкина и минимализм, графика и рифма (*гомеотелевтонный панторим*) у Авалиани, – так и с точки зрения поэтического содержания. Анализ короткого стихотворения Д. Авалиани демонстрирует значимость этого поэта и говорит о необходимости дальнейших исследований поэзии Авалиани.

### Литература

1. Зубова Л. Поэтика словесной акробатики // Russian Literature (Amsterdam). – 2005. – 57, 3/4. – С. 465–482.
2. Береговская Э., Верже Ж.-М. Занятная риторика. – М. : Языки славянской культуры, 2000.
3. Квятковский А. Поэтический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1966.
4. Истомин К. Букварь. – Л. : Аврора, 1981.
5. Parmiggiani P. (ed.) *Alfabeto in Sogno*. – Milan: Mazzotta, 2002.
6. Pope A. *Selected works*. – New York : The modern library, 1948.
7. Набоков В. Стихотворения и поэмы. – М. : Современник, 1991. [Электронный ресурс]: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/nabokov>
8. Кузмин М. Стихи и проза. – М. : Современник, 1989.
9. Шварц Е. *Люция ночи: Книга поэм*. – Санкт-Петербург: Сов. писатель, 1993. [Электронный ресурс]: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-8.html>
10. Пушкин А. Собр. соч. в 3 т. – М. : Художественная литература, 1985. – Т. 1.